

15. Ординарного профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Максимова Василия*: „Свидѣтельства памятниковъ права помѣстныхъ православныхъ церквей объ участіи мірянъ въ церковномъ управленіи“:

„На данную тему авторъ представилъ обширное и основательное изслѣдованіе въ 716 страницъ убористаго шнема.

Какъ показываетъ тема, авторъ могъ исполнить свою задачу двоякимъ образомъ: а) простымъ, механическимъ сведеніемъ въ одно цѣлое свидѣтельствъ разнообразныхъ памятниковъ права помѣстныхъ православныхъ церквей и б) связнымъ систематическимъ построеніемъ на точномъ ихъ основаніи разныхъ формъ церковнаго управленія, какъ дѣйствовавшихъ въ историческомъ прошломъ, такъ и дѣйствующихъ въ настоящее время. Но авторъ не ограничился *ожили* изъ этихъ способовъ, а примѣнилъ въ своемъ сочиненіи оба—что несомнѣнно дѣлаетъ честь его трудолюбію. Его сочиненіе представляетъ вслѣдствіе этого двѣ разнохарактерныя половины: 1-я — связанное логическое построеніе формъ помѣстнаго церковнаго управленія (стр. 1—348), 2-я — подл простую рубрикою „приложенія“ сводъ свидѣтельствъ изъ памятниковъ права и исторіи объ участіи мірянъ въ церковномъ управленіи (349—716).

Первая половина сочиненія состоитъ изъ введенія и трехъ частей.

Въ введеніи (1—46) авторъ раскрываетъ ту мысль, что хотя вопросъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковнаго управленія далеко не новый въ нашей духовной и свѣтской литературѣ, однако же изслѣдованіе его и именно научнымъ путемъ, методически еще нуждается въ специальныхъ работникахъ. Такъ этотъ вопросъ находитъ себѣ мѣсто въ цѣлыхъ курсахъ церковнаго права, отечественныхъ и иностранныхъ, но разсматривается здѣсь кратко — что, по словамъ автора, „отражается неблагоприятно на обстоятельности разъясненія“ (стр. 5). Необходимо обращаться къ специальнымъ изслѣдованіямъ, „но и здѣсь—по мнѣнію автора — дѣло обстоитъ не лучше“. Въ этихъ изслѣдованіяхъ, большая часть копъ падаетъ на семидесятыя годы, замѣтна поспѣшность, желаніе скорѣе дать отвѣтъ на интересовавшій тогда вопросъ „въ ущербъ полнотѣ и основательности изысканій: въ нихъ разсматриваются далеко не все каноническія по-

становленія касательно настоящаго вопроса; анализъ ихъ часто страдаетъ крайней поверхностностью; вся сила вопроса въ большинствѣ случаевъ сводится къ тому: имѣютъ ли право міряне участвовать въ церковномъ управленіи; разъясненію же самыхъ правъ, ихъ широты, свойствъ и отношенія къ правамъ іерархіи отводятся мало мѣста. А между тѣмъ, если что и требуетъ раскрытія въ данномъ случаѣ, такъ это именно послѣднее, потому что дать положительный отвѣтъ на первый вопросъ весьма не трудно. Далѣе самый вопросъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви въ этихъ изслѣдованіяхъ *смѣшивается* съ вопросомъ объ отношеніи гражданской правительственной власти къ власти церковной и разсматривается какъ тождественный съ нимъ, тогда какъ это два совершенно различные вопроса" (стр. 11—12). Указавъ на эти отрицательныя стороны въ изслѣдованіяхъ по данному вопросу, конхъ, конечно, не должно быть въ собственномъ изслѣдованіи автора, и указавъ обстоятельно на тѣ положительныя требованія, которыя должны быть имъ выполнены, авторъ начертываетъ такой для себя планъ: „Первая часть изслѣдованія будетъ посвящена обзорѣнню и анализу относящихся къ вопросу мѣстъ Св. Писанія Новаго Завѣта, разбору церковной практики до Императора Юстиніана включительно и каноническихъ постановленій извѣстныхъ подъ именемъ Правиль Св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцевъ. Обзорѣніе памятниковъ и историческихъ явленій такъ называемаго византійскаго періода займетъ вторую часть. Третью составитъ обзорѣніе нынѣ существующаго устройства съ той стороны, какая намъ нужна, въ православныхъ помѣстныхъ церквахъ, выросшихъ подъ сѣнію византійской церкви по дѣйствующему тамъ законодательству. Наконецъ, четвертую и послѣднюю часть мы посвятимъ рѣшенію поставленнаго вопроса по отношенію къ русской церкви и все изслѣдованіе закончимъ разборомъ тѣхъ проектовъ, какіе предлагаются нашей печатью для оживленія русской церковно-общественной жизни" (стр. 44—45).

Соотвѣтственно этому плану и обработана авторомъ первая половина его сочиненія. Въ полномъ законченномъ видѣ представлены однако-же только первыя двѣ части; что же касается третьей и четвертой, то онѣ изложены авторомъ

лишь въ видѣ подробнаго конспекта съ точнымъ указаніемъ документальныхъ свидѣтельствъ, помѣщенныхъ въ цѣломъ видѣ во второй половинѣ.

Вторая половина сочиненія, подъ названіемъ „приложенія“, представляетъ сводъ свидѣтельствъ памятниковъ церковнаго права помѣстныхъ церквей подъ 66-ю нумерами. Въ этотъ сводъ вошли выдержки въ русскомъ переводѣ, самостоятельно сдѣланномъ авторомъ изъ современнаго законодательства Константинопольской церкви, изъ законодательства по управленію православными церквами въ Сербіи, Румыніи, Болгаріи и Австро-венгріи (послѣднія авторъ заимствовалъ изъ нѣмецкаго журнала *Archiv für Katholisches Kirchenrecht* и представилъ въ собственномъ переводѣ), далѣе— выдержки изъ различныхъ памятниковъ церковнаго права древней Руси, изъ русскихъ лѣтописей (относительно избранія и поставленія епископовъ и митрополитовъ), изъ актовъ Югозападной Руси и изъ полнаго собранія законовъ.

Вообще сочиненіе студ. В. Максимова составлено съ примѣрною тщательностію и трудолюбіемъ (оно даже переписано почти всею собственною рукою автора четко и красиво). Внутреннія его качества: обширная начитанность автора какъ въ пособіяхъ, такъ и въ первоисточникахъ; основательность и полнота въ раскрытіи мыслей; чистый и правильный языкъ, связанное и послѣдовательное изложеніе. Какъ по важности предмета, такъ и по серьезно научной постановкѣ его желательно, чтобы авторъ вновь занялся разсматриваемымъ сочиненіемъ для представленія его на ученую степень магистра богословія.

Для полученія же степени кандидата богословія находку оное въ настоящемъ видѣ вполне достаточнымъ“.

16. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Малинина Алексѣя*: „О безсмертіи души (историческое обозрѣніе главныхъ направленій въ ученіи о безсмертіи души и положительное рѣшеніе вопроса)“:

„Особенность изслѣдованія г. Малинина, весьма выгодно отличающая его отъ большинства студенческихъ сочиненій, заключается въ томъ, что оно совершенно свободно отъ того „ученаго“ (всего чаще *мнимо-ученаго*) балласта, которымъ они обыкновенно бываютъ загромождены, въ ущербъ ясности и цѣльности впечатлѣній (у автора весь этотъ балластъ вы-

дѣлень въ конецъ сочиненія, въ особыя примѣчанія). Вслѣдствіе этого, его сочиненіе,—и въ общемъ и въ отдѣльныхъ частяхъ,—доведено до такой ясности и какъ бы логической прозрачности, что безъ всякихъ затрудненій укладывается въ головѣ читателя, при чемъ онъ легко видитъ и его достоинства и его недостатки.

Въ сочиненіи три части:

Въ первой части авторъ критически излагаетъ исторію ученія о безсмертіи. При подраздѣленіи этой части изслѣдованія, онъ пользуется схемою Конта, извѣстною подъ именемъ теоріи „трехъ фазисовъ“. Именно, и въ исторіи развитія ученія о безсмертіи онъ различаетъ три періода: теологическій, метафизическій и положительно научный. Схемѣ Конта онъ усваиваетъ, конечно, чисто методологическое значеніе. Однако намъ кажется, что, и при такомъ ограниченіи, ея примѣненіе у автора не свободно отъ тѣхъ возраженій, которыя справедливо выставлялись противъ философіи исторіи Конта. Дѣло въ томъ, что теологическіе, метафизическіе и положительно-научные элементы ученія о безсмертіи въ исторіи уживались рядомъ другъ подлѣ друга, такъ что можно говорить развѣ лишь о *превалѣ* одного изъ нихъ въ тотъ или другой періодъ надъ другими, но отнюдь не объ *исключеніи* одной группы мотивовъ другими. При такой постановкѣ дѣла результатъ критическаго изученія исторіи вопроса о безсмертіи былъ-бы нѣсколько иной, чѣмъ какой получился у автора. Основанія ученія о безсмертіи: теологическое и метафизическое тогда не могли бы быть признаны пережитыми и утратившими свое значеніе для современной мысли. Нѣтъ, тогда ясно было бы ихъ *непреходящее* значеніе и выяснилась бы развѣ лишь необходимость ихъ *перестановки*, въ смыслѣ новыхъ запросовъ, и, можетъ быть,—подчиненія основаніямъ положительно-научнымъ. Это увлеченіе схемою Конта, впрочемъ, не имѣло вреднаго вліянія на самое историческое обзорѣніе вопроса, которое сдѣлано авторомъ полно, обстоятельно и объективно. Въ немъ могутъ быть отмѣчены развѣ лишь нѣкоторыя частныя упущенія. Такъ значеніе Сократа въ области вопроса авторъ замѣтно умаляетъ; объ Аристотелѣ судить едва ли вѣрно (слишкомъ рѣшительно причисляетъ его къ пантеистамъ); Ренану усваиваетъ такое крупное значеніе, на какое едва-ли могла претендовать его

философія; нѣкоторыя новѣйшія сочиненія (даже изъ Русскихъ), повидимому ему остались неизвѣстны и т. д.

Во второй, центральной части („теоретическое учение о безсмертіи души“) авторъ пытается утвердить истину безсмертія *независимо* отъ спорныхъ началъ того или другаго общаго міропониманія—на данныхъ психологіи и психофизиологіи. Здѣсь онъ подробно говоритъ о самостоятельномъ началѣ психическихъ явленій, о единствѣ психическаго процесса, независимости духовной жизни отъ тѣлесной, тождествѣ личности, попутно затрогивая вопросы о телепатіи, душѣ животныхъ и проч. Конечный выводъ,—что душа человѣка, въ отличіе отъ души животныхъ, безсмертна,—этотъ выводъ для автора только *гипотеза* (но не истина, теоретически несомнѣнная), хотя гипотеза, обладающая весьма высокою степенью вѣроятности. Конечно, столь ясное сознание требованій мысли, предъявляемыхъ нами ко всѣмъ тѣмъ положеніямъ, которымъ мы усваиваемъ характеръ безспорныхъ истинъ, равно какъ и сознание границъ между несомнѣнно-достовернымъ и только вѣроятнымъ свидѣтельствуетъ о логической выработкѣ и дисциплинѣ ума. Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, авторъ могъ бы, не поступаясь своею научною совѣстію, достигнуть болѣе рѣшительнаго результата уже и на чисто теоретическомъ пути, если бы онъ не совершенно отстранился отъ основаній безсмертія теологическихъ и метафизическихъ и принялъ ихъ, переработавъ примѣнительно къ современнымъ запросамъ мысли. Не входя въ общія разсужденія, онъ, съ полнымъ правомъ, могъ бы *предположить* истинными начала теистическаго міропониманія, на которомъ въ сущности стоитъ и самъ, и разсматривать свое сочиненіе, какъ распространенную главу системы такой именно философіи. Это вообще нисколько не уменьшило бы цѣнность его положительно научныхъ соображеній, въ глазахъ же людей теистическаго образа мыслей придало бы его тезису такой вѣсъ, при которомъ онъ логически законно могъ бы стать въ рядъ теоретически достоверныхъ истинъ.

Въ третьей части („практическое рѣшеніе вопроса о безсмертіи души человѣка“) авторъ разсматриваетъ идею безсмертія души, какъ идеаль жизни, представляющій вмѣстѣ и объективную и субъективную цѣнность; говоритъ о связи этого идеала съ религіею и нравственностью, критически

освѣщая, съ этой точки зрѣнія, философію эпикуреизма—арханческаго и подновленнаго. Такимъ путемъ онъ возвышаетъ идею безсмертія со ступени *теоретической* гипотезы на степень *практически-достоверной* истины. Эта часть изслѣдованія автора не возбуждаетъ по существу никакихъ возраженій. Но если вторая часть будетъ переработана въ указанномъ нами выше смыслѣ, то-есть со вниманіемъ къ теологическимъ и метафизическимъ основаніямъ вѣры въ безсмертіе,—то третью цѣлесообразнѣе будетъ помѣстить на мѣсто второй и, наоборотъ, вторую перенести на мѣсто третьей: тогда вѣра въ безсмертіе, сначала обоснованная лишь въ смыслѣ *практически-достоверной* истины, будетъ затѣмъ возвышена на степень истины *достоверной и теоретически*, чѣмъ будетъ дано полное удовлетвореніе вѣрующему сознанію, ищущему разумѣнія своей вѣры.

Въ „приложеніяхъ“ авторъ говоритъ о воскресеніи мертвыхъ (при чемъ высказываетъ, опираясь на данныя современнаго естествознанія, много свѣжихъ мыслей) и — о происхожденіи душъ (дастъ научно-философскій комментарий православнаго ученія о предметѣ). Въ концѣ сочиненія помѣщены „примѣчанія“,—весьма обширныя, обнаруживающія основательное знакомство съ литературою вопроса и, въ большинствѣ случаевъ, сдѣланныя съ указаніемъ первыхъ и надежныхъ вторыхъ источниковъ.

Какъ видимъ, авторъ представилъ весьма солидное сочиненіе, которое, хотя въ частностяхъ и оставляетъ мѣсто нѣкоторымъ пожеланіямъ, но въ общемъ выполнено по весьма серьезно и оригинально задуманному плану. Судя по тому, что авторомъ уже сдѣлано, можно думать, что онъ обладаетъ всѣми данными (пріемами строгаго научнаго и, частнѣе, философскаго мышленія, обширнымъ знакомствомъ съ литературою вопроса, знаніемъ языковъ и замѣчательнымъ трудолюбіемъ), чтобы переработать свое сочиненіе и внести въ него тѣ измѣненія и улучшенія, которыя отчасти намѣчены выше, отчасти же рекомендованы ему со стороны рецензента въ устной бесѣдѣ. Тогда,—можно надѣяться,—онъ представитъ на ученый судъ изслѣдованіе, которое по праву займетъ видное мѣсто въ литературѣ вопроса, представляющаго для религіознаго сознанія интересъ первостепенной важности.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ рецензентъ не только признаетъ г. Малинина достойнымъ присужденія ему, за представленное имъ сочиненіе, степени кандидата богословія, но *почитаетъ своимъ долгомъ рекомендовать его особенному вниманію Совѣта, какъ выдающуюся умственную силу*“.

17. Исправляющаго должность доцента Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Минина Петра*: „Психологическія основы аскетизма“:

„Въ началѣ своего сочиненія г. Мининъ выясняетъ руководящую идею дальнѣйшаго изслѣдованія. „Такъ какъ, говоритъ онъ, каждое дѣйствіе свое челоувѣкъ въ нормальномъ состояніи совершаетъ по извѣстнымъ разумнымъ мотивамъ, то и аскетическія упражненія должны имѣть какія-нибудь разумныя основанія и цѣлесообразное назначеніе. Изъ самыхъ уже названій аскета мы видѣли, что это—челоувѣкъ, отрекающійся отъ міра, принимающій на себя обѣтъ добровольной нищеты и предающійся самоуглубленію. Понятно, что отреченіе отъ міра должно происходить во имя какого-нибудь положительнаго идеала, добровольная нищета должна имѣть опредѣленный смыслъ, самоуглубленіе—извѣстную цѣль и весь аскетизмъ — какія-нибудь теоретическія предпосылки и оправданіе. Однимъ словомъ, аскетизмъ, какъ система извѣстныхъ упражненій, несомнѣнно долженъ предполагать аскетизмъ, какъ цѣлое, весьма послѣдовательное *міросозерцаніе*, по отношенію къ которому физическій аскетизмъ является только внѣшней, видимой стороною“. Это *міросозерцаніе*, которое составляетъ внутренній мотивъ и психологическую природу аскетизма, — по мнѣнію автора, всегда сводится къ мистицизму. Подвергая затѣмъ изслѣдованію различныя исторически-извѣстныя формы аскетизма—аскетизмъ индійскихъ религій, ислама, греческихъ философскихъ школъ, древне-христіанскихъ сектъ и церковнаго христіанства,—авторъ во всѣхъ этихъ проявленіяхъ аскетизма вскрываетъ мистическіе элементы: стремленіе къ единенію съ Абсолютнымъ въ мистическомъ созерцаніи и аскетическомъ отрѣшеніи отъ личной жизни. Психологическимъ источникомъ этого стремленія авторъ считаетъ общечеловѣческую потребность сознанія въ гармоніи и единствѣ; такой потребности аскетическій мистицизмъ удовлетворяетъ тѣмъ что посредствомъ внѣшнихъ и внутреннихъ упражненій со-

средоточиваетъ жизнь сознанія на одной высочайшей идеѣ.— Авторъ совершенно справедливо полагаетъ, что психологическія основы аскетизма можно найти лишь въ томъ случаѣ, если разсматривать его не какъ явленіе исключительно христіанское, а какъ общечеловѣчскій фактъ. Но онъ при этомъ умѣетъ хорошо провести границу между аскетизмомъ внѣ-христіанскаго происхожденія и христіанскимъ подвижничествомъ въ его лучшихъ проявленіяхъ; между тѣмъ какъ послѣднее доставляетъ высшее духовное удовлетвореніе въ преисполненномъ любви созерцаніи Божества, первый кончаетъ крайностями искусственнаго самогнѣза, доходящаго до болѣзненной потери сознанія. Нельзя однако вполне согласиться съ авторомъ въ томъ, что внутреннюю природу или психологическую сущность аскетизма всегда и необходимо составляетъ мистическое міросозерцаніе. Факты не оправдываютъ такого убѣжденія: аскетизмъ ессеевъ совѣмъ не былъ мистическимъ, насколько даетъ право судить наиболѣе надежный въ этомъ случаѣ источникъ — рассказъ Иосифа Флавія: аскетизмъ стоиковъ въ началѣ не имѣлъ ничего общаго съ мистицизмомъ и лишь въ послѣдствіи подъ вліяніемъ условій, совершенно постороннихъ для сущности стоической философіи, сталъ принимать мистическую окраску; аскетизмъ мусульманскихъ дервишей первоначально, какъ говоритъ самъ авторъ, былъ чуждъ мистическаго направленія; къ этому можно присоединить обрядовый аскетизмъ, проявляющійся весьма часто у людей, ни мало не расположенныхъ къ мистицизму. Всѣ эти факты показываютъ, что мистицизмъ нельзя считать необходимою психологическою природою аскетизма вообще. Можно согласиться до нѣкоторой степени съ тѣмъ, что возведенный въ исключительную систему жизни аскетизмъ послѣдовательно приводитъ къ мистицизму; но въ такомъ случаѣ мистицизмъ является лишь непредвидѣннымъ въ началѣ результатомъ аскетизма, а не его „психологическою природою“, какъ выражается авторъ (254 — 255 стр.) и не его „теоретическою предпосылкою“ или „разумнымъ мотивомъ“, какъ говоритъ онъ во введеніи. Только что отмѣченное явленіе вполне согласуется съ мнѣніемъ самого г. Минина относительно того, что *первоначальнымъ исходнымъ пунктомъ* аскетизма служитъ сознаніе грѣховности и внутренняго разлада. Такое воззрѣ-

ние на дѣло предполагаетъ болѣе широкую точку зрѣнія на аскетизмъ, и это обстоятельство отразилось на психологическомъ объясненіи автора тѣмъ, что внесло въ него нѣкоторую двойственность: находя источникъ аскетизма въ стремленіи къ единству, авторъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ вводитъ въ сущности два различныхъ фактора: во-первыхъ стремленіе побѣдить нравственную дисгармонію, выражающуюся въ борьбѣ идеальныхъ побужденій съ низшими; во-вторыхъ стремленіе ума къ объединенію всего содержанія сознанія посредствомъ одной идеи; конечно, понятіе единства настолько обще, что къ нему можно свести все, что угодно, но эту возможность не нужно злоупотреблять, если мы хотимъ давать дѣйствительное (а не словесное только) научное объясненіе явленія; первый факторъ—внутренняя нравственная борьба—есть принадлежность всякой нравственной жизни, и сводить къ этому фактору аскетизмъ значитъ считать его необходимою стороною нравственной жизни вообще (что и будетъ, по нашему мнѣнію, правильно); второй—стремленіе къ моноидеизму—есть явленіе болѣе или менѣе исключительное и, что главное, могущее не стоять ни въ какой связи съ моралью.

Помимо только что сказаннаго, сочиненіе г. Минина отличается выдающимися достоинствами; изъ нихъ главныя: чрезвычайная ясность и систематичность мышленія, умѣнье искусно анализировать факты и подчинять ихъ основной идеѣ. Задача, разрѣшеніе которой выпало на долю автора,—въ высшей степени трудная не только по своей сложности, а еще и потому, что въ разрѣшеніи ея авторъ не имѣлъ предшественниковъ: у автора не было пособій въ разрѣшеніи вопроса; онъ долженъ былъ считаться непосредственно и только съ фактами. И однако свою задачу г. Мининъ выполнилъ прекрасно. Правда свой матеріалъ онъ не всегда могъ брать изъ источниковъ вполне надежныхъ: это было неизбѣжно уже въ виду того, что его изученію подлежала крайне обширная область явленій. Тѣмъ не менѣе въ общемъ г. Мининъ хорошо овладѣлъ фактами и далъ имъ самостоятельное объясненіе при помощи научныхъ истинъ и теорій, принадлежащихъ современной психологій. Стройность общей концепціи авторъ соединяетъ съ основательностью и убѣдительностью аргументаціи; общія положенія его всегда

подтверждаются многочисленными фактическими данными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фактической матеріалъ не загромождаетъ сочиненія, и въ немъ нѣтъ ни одной выдержки, ни одной цитаты, которая казалась бы излишними. Если въ сочиненіи г. Минина есть погрѣшности, то онѣ легко могутъ быть устранены, и тогда оно безъ сомнѣнія послужитъ цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу по данному вопросу. Ко всему этому нужно прибавить прекрасно обработанное литературное изложеніе, благодаря которому сочиненіе читается легко и съ интересомъ даже въ наиболѣе специальныхъ своихъ частяхъ.—Въ виду только что указанныхъ достоинствъ работы г. Минина признаю ее не только удовлетворительною въ качествѣ кандидатскаго сочиненія, но и выдающеюся среди студенческихъ работъ этого рода“.

18. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевского о сочиненіи студента *Нарскаго Николая*: „Признаки и причины упадка религіозности въ русскомъ образованномъ (свѣтскомъ) обществѣ второй половины XVIII в.“:

„Въ первой части этого выдающагося по размѣрамъ сочиненія (185 большихъ почтовыхъ листовъ) описываются признаки упадка религіозности, замѣченные авторомъ въ отношеніи русскихъ образованныхъ людей того времени къ Церкви и христіанству: въ тогдашнемъ русскомъ вольнодумствѣ, въ нравахъ тогдашняго общества, въ русскомъ масонствѣ и въ свѣтской русской литературѣ, насколько она отражала въ себѣ „критическія и мистическія идеи“ той эпохи. Во второй части излагаются причины упадка. Здѣсь авторъ говоритъ о значеніи реформы Петра Великаго для русскаго общества и о ея слѣдствіяхъ для религіозности русскихъ, о русской галломаніи въ царствованіе императрицы Елизаветы, о философскомъ движеніи во Франціи того времени, о вліяніи французскихъ просвѣтителей на русскіе умы временъ Елизаветы и Екатерины II, о воспитаніи русскаго юношества въ эту эпоху и наконецъ объ „умственно-нравственномъ состояніи русскаго духовенства“ того времени. Въ обѣихъ частяхъ собраны въ замѣчательномъ изобиліи свидѣтельства и наблюденія, извлеченныя изъ разнообразныхъ источниковъ, изъ ученыхъ сочиненій о томъ времени, изъ многочисленныхъ записокъ современниковъ, русскихъ и иностранцевъ, изъ русскихъ періодическихъ и другихъ изданій прошлаго

вѣка.—Между прочимъ авторъ приводитъ обильныя выписки изъ церковныхъ поученій, изученныхъ имъ особенно тщательно, въ которыхъ русскіе проповѣдники обличали заблужденія и пороки своихъ современниковъ. Изъ этого матеріала авторъ съ большимъ умѣньемъ составилъ рядъ мозаичскихъ картинъ, изображающихъ бытъ, нравы и понятія русскаго общества въ прошломъ вѣкѣ. Вообще онъ старался возможно шире и основательнѣе изучить свой предметъ, какъ можно полнѣе исчерпывая свои источники, хотя при этомъ и не устранилъ нѣкоторыхъ недостатковъ своего труда. Такъ въ первой части сочиненія почти не замѣтно критическаго отношенія къ приводимымъ свидѣтельствамъ, столь разнообразнымъ по своему происхожденію и качеству; вторая часть по самой своей задачѣ требовала болѣе сосредоточеннаго и внимательнаго историко-прагматическаго анализа описываемыхъ явленій; наконецъ, обѣимъ частямъ недостаеетъ отчетливаго изложенія выводовъ, которые прямо отвѣчали бы на вопросы темы. Вообще авторъ болѣе цитируетъ и описываетъ, чѣмъ объясняетъ и обобщаетъ описываемыя явленія. По мѣстамъ, увлекаемый своими источниками, онъ отклоняется въ сторону отъ своей задачи, попутно касаясь предметовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ темѣ, или вдаваясь въ подробности, прибавляющія мало новаго къ излагаемому предмету (таковы, напр., подробности *объ императрицахъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II во 2-ой и 4-ой главахъ II части*). Впрочемъ эти недостатки при указанныхъ достоинствахъ сочиненія не мѣшаютъ признать его весьма хорошимъ“.

19. Ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента, болгарскаго уроженца, *Пампулова Ивана*: „Евѣимій, послѣдній терновскій патріархъ“:

„Сочиненіе г. Пампулова (219 стр.) состоитъ изъ введенія и двухъ частей изслѣдованія, изъ конхъ первая распадается на четыре главы, а послѣдняя на двѣ главы.

Въ введеніи къ первой части (1—10), послѣ предварительной замѣтки о высокомъ значеніи церковно-общественной дѣятельности патр. Евѣимія, авторъ ставитъ своею задачею „прослѣдить шагъ за шагомъ жизнь этого патріарха, чтобы потомъ лучше понять его дѣятельность (2)“. Источникомъ для біографіи патр. Евѣимія авторъ избираетъ „Похвальное

слово Евѣмїю», написанное митрополитомъ Григоріемъ Цамблакомъ. Стѣдую Григорію Цамблаку, г. Пампуловъ разсматриваетъ въ жизни Евѣмїя четыре періода: 1) жизнь въ Килифаревскомъ монастырѣ (части первой глава *первая*, стр. 11—40), 2)—въ Константинополѣ (глава *вторая*, 41—72), 3)—на Аѳонѣ (глава *третья*, 73—94) и 4)—въ Терновѣ (глава *четвертая*, 95—116). Во *второй* части, поставивъ своей ближайшей задачей отмѣтить наиболѣе выдающіяся стороны дѣятельности патр. Евѣмїя, авторъ говоритъ о его литературныхъ трудахъ—переводныхъ и оригинальныхъ (глава *первая*, 117—202) и о церковно-общественной его дѣятельности (глава *вторая*, 202—219).

Такъ какъ сочиненіе г. Пампулова должно представлять собою не только популярно-назидательное чтеніе, а—ислѣдованіе съ научнымъ характеромъ или отгѣнкомъ, то наряду съ похвальнымъ словомъ Григорія Цамблака, произведеніемъ агіографическимъ, онъ долженъ былъ дать подобающее мѣсто и другимъ источникамъ для жизнеописанія патр. Евѣмїя, каковыя источники и указаны въ извѣстномъ трудѣ проф. П. А. Сырку „Время и жизнь патр. Евѣмїя Терновскаго (С.-П.-Б. 1898)“, и хотя бы на основаніи этого сочиненія предложить предварительный критико-библіографическій обзоръ источниковъ и вообще литературы по данному вопросу. Это избавило бы автора отъ многихъ уклоненій въ сторону, какъ во второй, такъ особенно въ первой части сочиненія. Таковы болѣе или менѣе пространныя отступленія—въ первой части—о преп. Θεодосіи терновскомъ и Григоріи Синантѣ (14 — 27), о патріархахъ Каллистѣ и Германѣ и ихъ отношеніяхъ къ болгарской патріархіи (42—67), опять о Θεодосіи (69—70), о подвижникахъ Св. горы Аѳонской и опять о Григоріи Синантѣ (75—85),—во второй части довольно обширное извлеченіе изъ статьи Константина Костепченаго о правописаніи (124—140),—объ ученикахъ Евѣмїя—Кириакѣ, Григоріи Цамблакѣ, Константиинѣ Костепченомъ и Владиславѣ Грамматикѣ (192—201). Необходимо выдѣлить эти отступленія, чтобы получить въ сочиненіи автора связный послѣдовательный разсказъ о жизни и дѣятельности патр. Евѣмїя. Именно, въ первой части авторъ говоритъ о времени и мѣстѣ рожденія Евѣмїя, родственныхъ отношеніяхъ его къ Кириану митрополиту и Григорію Цам-

блаку, аскетическихъ подвигахъ подъ руководствомъ преп. Беодосія терновскаго и по началамъ школы исихастовъ, о литературныхъ его занятіяхъ, объ извѣстномъ печальномъ приключеніи съ Евѣмиемъ на Аѳонѣ, о взятіи Тернова, покореніи Болгаріи турками, заточеніи и кончинѣ Евѣмія. Во второй части авторъ говоритъ о произведенной Евѣмиемъ реформѣ церковно-славянскаго правописанія и о мѣрахъ для проведенія этой реформы, и затѣмъ объ оригинальныхъ его сочиненіяхъ, каковы житія, похвальныя слова и посланія, и, наконецъ, о церковно-общественной его дѣятельности. При своемъ изложеніи г. Пампуловъ видимо постоянно имѣлъ въ виду вышеназванный трудъ и другія сочиненія проф. Сырку, также изслѣдованіе г. Радченко и др. Въ двухъ мѣстахъ авторъ однако не соглашается съ профессоромъ Сырку и поправляетъ его (стр. 92 и 114, въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ не особенно удачно), а въ концѣ сочиненія, подъ вліяніемъ національной страстности называетъ его „ослѣпленнымъ грекофиломъ“ (стр. 205). Такая же страстность замѣтна въ первой части въ сужденіяхъ автора о патріархахъ константинопольскихъ Каллистѣ и Германѣ.

Въ первой главѣ второй части авторъ слишкомъ поверхностно понимаетъ характеръ книжнаго исправленія Евѣмія, когда объ исправленіи правописанія говоритъ какъ о возстановленіи древне-славянскаго текста кирилло-менодіевской редакціи: именно этотъ древній кирилло-менодіевскій текстъ Св. Писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ и не зналъ такихъ тонкостей правописанія, какія введены въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Дѣло у патр. Евѣмія шло дальше и глубже, чѣмъ орфографія. Испорченнымъ, искаженнымъ былъ тогда нерѣдко самый текстъ или языкъ перевода, и его-то задумалъ исправить патр. Евѣміи, какъ у насъ позднѣе патріархъ Никонъ. Отъ временъ патр. Евѣмія ведетъ свое начало знаменитая терновская редакція священныхъ книгъ, въ связи съ которою стоятъ сербскіе т. н. ресавскіе изводы тѣхъ же книгъ. Объ этомъ исправленіи у автора сказано очень мало. Съ этой стороны заслуживали бы внимательнаго разсмотрѣнія житія святыхъ болгарскихъ, составленныя Евѣмиемъ и представляющія особенности его языка, тѣмъ болѣе, что они могли быть доступны автору по рукописямъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. Въ изложеніи автора встрѣ-

чаются иностранныя слова въ такихъ сочетаніяхъ, какъ тенденціи патріарха 53.69. вселенскія тенденціи 46. назидательныя тенденціи 3. конкретная проповѣдь 176. инцидентъ 97. 115. прерогативы (но авторъ пишетъ: перогативы 46.53 и: перегагитивы 63), — такія выраженія, какъ Евѳимій въ роли патріарха 10. Евѳимія сдѣлали патріархомъ 100,—не мало грамматическихъ ошибокъ.

Но при указанныхъ недостаткахъ разсмотрѣнное сочиненіе имѣетъ свои достоинства, какъ краткая и въ общемъ ясно изложенная монографія о выдающемся болгарскомъ церковномъ дѣятелѣ XIV вѣка. Авторъ достаточно познакомился съ имѣвшеюся у него подъ руками печатною литературою о предметѣ, такъ что, по нашему мнѣнію, сочиненіе его можетъ быть признано достаточнымъ для получения степени кандидата богословія“.

20. Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Платонова Александра*: „Паломничество въ древней Руси:“

„Сочиненіе г. Платонова свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ трудолюбіи и литературной производительности автора. Большое по размѣру (XIV+876 стр.) изслѣдованіе о паломничествѣ въ древней Руси написано имъ на основаніи въ высшей степени тщательнаго изученія источниковъ. Авторъ не только перечиталъ многочисленныя изданія хожденій и другіе нужные ему источники письменности за весь древнерусскій періодъ, отчасти даже въ рукописяхъ, а также народныя былины въ многочисленныхъ сборникахъ, — кромѣ того онъ изучилъ свой матеріалъ детальнымъ образомъ, просмотрѣлся къ подстрочнымъ вариантамъ, принялъ въ расчетъ научныя изслѣдованія о каждомъ изъ Паломниковъ и о нѣкоторыхъ былинахъ. Когда онъ беретъ показанія какихъ-нибудь постороннихъ паломничеству источниковъ, онъ всегда справится можно-ли еще опереться на данное показаніе, т. е. считается предварительно съ научными комментаріями къ нему. Если ему встрѣчается новый текстъ, онъ подвергаетъ его самому подробному разбору. Такъ онъ разбираетъ очень интересный вариантъ къ извѣстному свидѣтельству о паломникахъ изъ Вопросанія Кирика (вариантъ по ркп. Волоколамской Б-ки № 566). Съ этой стороны сочиненіе г. Платонова очень рѣдкое явленіе среди студенче-

скихъ работъ. Оно представляетъ изъ себя полный сводъ критически прѣвѣреннаго матеріала для исторіи древне-русскаго паломничества, такъ что трудно указать, чего-бы не зналъ авторъ для своего спеціальнаго вопроса, или что зналъ бы онъ неосновательно. Въ его сочиненіи есть даже научная новостъ: именно въ приложеніи онъ помѣстилъ съ объяснительной запиской „Поклоненіе святаго града Іерусалима“ (по ркп. Волоколамской Б-ки № 387), неизданный еще памятникъ XVI вѣка, представляющій собою гидъ для паломника того времени. Основательно зная литературу предмета, авторъ относится къ ней вполне самостоятельно.

Передавъ во введеніи исторію своего вопроса въ наукѣ, авторъ описываетъ древне-русское паломничество такимъ образомъ: гл. I—объемъ паломническаго движенія и характеръ психологическаго настроенія древнерусскихъ паломниковъ; гл. II—причины происхожденія паломничества и условія, поддерживавшія паломническое движеніе въ древней Руси (разборъ существующихъ взглядовъ и свое рѣшеніе); гл. III—быть древнерусскихъ паломниковъ; гл. IV—отношеніе къ паломникамъ въ древней Руси со стороны правительства церковнаго и гражданскаго и со стороны общества; гл. V—значеніе древнерусскаго паломничества.

Въ изложеніи предмета есть значительный недочетъ. Авторъ не излагаетъ исторіи древнерусскаго паломничества, а даетъ только его описаніе или очеркъ. За многія столѣтія нашей древней исторіи онъ представляетъ паломничество какъ будто совершенно одинаковымъ, всегда себѣ равнымъ явленіемъ церковной жизни. И это не безсознательное упущеніе со стороны нашего автора,—это его научное убѣжденіе, заявленное рѣзко и аргументированное довольно подробно. Онъ заявляетъ, что нельзя писать послѣдовательную исторію паломничества (40 стр.), что даже постановку вопроса объ его исторіи, какъ она существуетъ въ литературѣ, нельзя признать научной: „самая исторія древне-русскаго паломничества, по его словамъ, совершенно произвольная выдумка“ (66 стр.). Но чѣмъ же авторъ доказываетъ свои положенія? Тѣмъ, что существующія попытки построить исторію паломничества неудачны, что по недостатку данныхъ и нельзя уловить теченій изучаемаго явленія, что паломничество не было „чѣмъ-то“ вродѣ регламентированнаго учрежденія, что

оно продолжалось непрерывно съ первыхъ временъ христіанства у насъ и до нашего времени, что паломничья литература и настроеніе паломника традиціонны. Но все это, доказывая понятное однообразіе такого простаго явленія, какъ паломничество, не говоритъ о его неизмѣняемости, и, вѣрно отмѣчая трудность построенія научной исторіи паломничества, не убѣждаетъ въ ея невозможности.

Конечно принятая авторомъ постановка вопроса упрощаетъ дѣло, суживаетъ кругозоръ и даетъ ему право изучать паломничество внѣ многочисленныхъ событій исторической жизни на Руси и на Востокъ и взаимныхъ отношеній православнаго Востока и Русн. Точный и внимательный въ работѣ, онъ видимо не успѣлъ ориентироваться въ этихъ отдѣлахъ исторіи, что совершенно извинительно въ виду и безъ того большой работы, выполненной авторомъ. А между тѣмъ можетъ быть эти то обстоятельства и опредѣлили собственно историческую судьбу изучаемаго имъ явленія, степень распространенности паломничества, даже его внутреннюю организацію въ то или иное время, — словомъ опредѣлили исторію паломничества, которая, по мысли нашего автора, невозможна. Одно такое обстоятельство, несомнѣнно вліявшее на исторію паломничества, оцѣнено имъ неправильно. Путешествіе греческаго духовенства на Русь за милостыней съ XV в. онъ разсматриваетъ какъ условіе, будившее у насъ интересъ къ святымъ мѣстамъ, но скорѣе они содѣйствовали косвенно ослабленію странствій на Востокъ.

Авторъ вполне самостоятеленъ въ объясненіи разныхъ сторонъ изучаемаго имъ предмета. Вопросы о происхожденіи паломничества, о возникновеніи оригинальныхъ обѣтовъ— „заповѣдей“, какъкъ переходящихъ, и объ ихъ одеждѣ („крута калпчья“),—все эти вопросы рѣшаетъ онъ независимо отъ своихъ предшественниковъ и расходится съ ними. У него есть тенденція вывести то и другое и третье, не ходя далеко—въ Византію, на западъ Европы или къ болгарскимъ богомиламъ, найти самобытный источникъ древнерусскаго паломничества. Но нельзя сказать, чтобы его критика сильно подрывала существующія воззрѣнія, а собственныя рѣшенія его были вполне достаточны и убѣдительно. За то надо признать, что въ общемъ описаніи указанныхъ сторонъ своего предмета нашъ авторъ такъ обстоятеленъ, съ такою добро-

совѣстностью собираеть данныя особенно изъ былинъ, что пополняетъ даже очень авторитетныхъ нашихъ ученыхъ. Въ изложеніи встрѣчаются формальные недочеты, напр. матеріаль располагается по рубрикамъ внѣшнимъ, по вѣкамъ вмѣсто историческихъ эпохъ, или слишкомъ дробно.

Но всѣ эти недочеты вполне искупаются указанными выше рѣдкими достоинствами работы. Она представляетъ во всякомъ случаѣ такой солидный сводъ твердыхъ, критически проверенныхъ данныхъ, такой прочный фундаментъ для научныхъ построений, что надо рекомендовать автору продолжать съ такой же добросовѣстностью, только въ болѣе широкой постановкѣ, изученіе взятаго имъ вопроса. А самый вопросъ объ исторической судьбѣ и историческомъ значеніи древнерусскаго паломничества настолько интересенъ и важенъ, что обстоятельное изслѣдованіе о немъ положительно необходимо“.

21. Ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента, сербскаго уроженца, *Поповича Саввы*: „Арсеній III Черноевичъ, патріархъ сербскій“:

„Довольно обширное (322 стр.) сочиненіе г. Поповича состоитъ изъ предисловія и двухъ частей изслѣдованія, изъ коихъ первая часть распадается на семь, а вторая на девять главъ.

Въ предисловіи (I—XVIII) авторъ говоритъ о задачахъ своего труда и о недостаточности источниковъ и пособій. Подробнѣе авторъ обѣщаетъ остановиться на объясненіи причинъ выселенія патр. Арсенія III съ народомъ изъ Старой Сербіи въ Австро-Венгрію. Перечень источниковъ и пособій, однако, получился довольно длинный (85 №№), при чемъ автору доступны были не только печатные, но и рукописные матеріалы, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Archivѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Къ сожалѣнію, авторъ перечисляетъ свои источники и пособія безъ системы и порядка. Хронологическій порядокъ не выдержанъ. Одни и тѣ-же авторы и изданія разбросаны по разнымъ №№ (см. напр. №№ 6 и 9, 35 и 39, 38, 40, 53 и 66, 30, 33 и 51, 41—50 и 52).

Часть *первая* (1—151) имѣетъ своимъ предметомъ жизнь и дѣятельность патр. Арсенія III до переселенія его въ Австро-Венгрію. Вчастности глава *первая* (1—15) содер-

жнть скудныя біографическія свѣдѣнія о патр. Арсеніи. Глава *вторая* (15—36) представляетъ обзоръ писемъ, грамотъ и другихъ сочиненій патріарха (грамоты, утверждающія владѣнія монастыря Раваницы, отрывки изъ сербской исторіи, письма къ Георгію Бранковичу, къ русскимъ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, къ папѣ и др., а также донесеніе патріарху сербскихъ церковныхъ общинъ въ Босніи о различныхъ притѣсненіяхъ отъ турокъ, о церковныхъ неустройствахъ, недостаткѣ священниковъ и т. д.). Глава *третья* (36—67) изображаетъ состояніе сербскаго народа до переселенія. Какъ сербъ-турецкій подданный, авторъ съ глубокою душевною болью описываетъ бѣдствія и страданія сербовъ, начиная съ турецкаго завоеванія. Отмѣчаются разрушеніе печской патріархіи, церковей и монастырей, особенно при Синапъ-папѣ, насильственное потурченіе сербовъ, отбирание дѣтей для янычарской службы, тяжелые налоги и подати и т. д., при чемъ авторъ замѣчаетъ, что нѣкоторые налоги и подати съ того времени существуютъ и до нынѣ въ Старой Сербіи, а также различныя обиды, насилія, неправедный судъ въ отношеніи къ христіанамъ и нынѣ составляютъ въ этихъ турецкихъ провинціяхъ обычное явленіе. Глава *четвертая* (67—83) рассказываетъ о попыткахъ сербскаго народа освободиться отъ турокъ, въ частности объ обращеніяхъ сербскихъ патріарховъ до Арсенія III съ просьбою о помощи къ римскому папѣ и къ Россіи и о неоднократныхъ предложеніяхъ сербамъ со стороны Австріи—соединиться съ нею для борьбы съ турками. Глава *пятая* (83—127) говоритъ о переселеніи патр. Арсенія III съ сербскимъ народомъ въ Австро-Венгрію. Для объясненія причинъ переселенія авторъ отмѣчаетъ съ одной стороны роль въ этомъ дѣлѣ Георгія Бранковича и другихъ австрійскихъ агентовъ, возбуждавшихъ къ возстанію противъ турокъ, а съ другой стороны—преслѣдованіе со стороны турокъ ипекскаго патріархата и патріарха, вынужденнаго даже скрываться нѣкоторое время въ Черногоріи, и вообще преслѣдованіе сербовъ. По автору, къ 1690 г. дѣла сложились такъ, что сербамъ нельзя было поступить иначе, какъ бѣжать изъ своей отчины. Въ концѣ главы приводятся различныя мнѣнія ученыхъ о числѣ переселившихся сербовъ. Глава *шестая* (127—141) повѣствуетъ о пріѣздѣ въ Москву афонскаго архимандрита Исаи въ 1688 г. съ грамо-

тою патр. Арсенія III. Въ главѣ *седьмой* (141—151) г. Поповичъ старается защитить патр. Арсенія III отъ различныхъ нареканій на него по поводу переселенія сербовъ и для этого изображаетъ бѣдственное положеніе Старой Сербіи послѣ удаленія сербовъ въ Австрію. Но при семъ авторъ съ одной стороны захватываетъ и болѣе раннее время, а съ другой стороны говоритъ о церквахъ и монастыряхъ не только въ Старой Сербіи, но вообще о сербскихъ, даже фрушкогорскихъ. Изъ изложенія автора видно также, что положеніе православной церкви въ завоеванныхъ провинціяхъ не было на первыхъ порахъ особенно печальнымъ.

Части *второй* глава *первая* (152—164) не соотвѣтствуетъ своему заглавію, такъ какъ собственно о патриархѣ Арсеніи III здѣсь ничего не говорится. Рѣчь здѣсь объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось переселеніе сербовъ въ Австрію и о числѣ епископскихъ кафедръ въ Австріи предъ прибытіемъ сербовъ. Глава *вторая* (164 — 180) говоритъ объ устройствѣ сербовъ въ Австро-Венгріи за время патр. Арсенія III, — вчастности о привиллегіяхъ, данныхъ сербамъ австрійскимъ императоромъ на бумагѣ и неисполненныхъ на дѣлѣ. Глава *третья* (181 — 196) говоритъ о проискахъ римско-католической пропаганды среди австрійскихъ сербовъ и о мѣрахъ противъ нея со стороны патр. Арсенія. Глава *четвертая* (196—220) представляетъ перечень и обзоръ четырнадцати писемъ патр. Арсенія къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ и нѣсколькихъ писемъ къ Георгію Бранковичу, при чемъ попутно излагаются обстоятельства жизни этого австрійскаго графа и сербскаго деспота. Глава *пятая* (220—235) частнѣе говоритъ о письмахъ патр. Арсенія и значеніи ихъ для характеристики личности этого виднаго дѣятеля, а въ концѣ главы сообщаются свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни и о кончинѣ патриарха. Глава *шестая* (235—265) содержитъ обзоръ мнѣній различныхъ историковъ относительно переселенія патр. Арсенія въ Австро-Венгрію. Вопреки мнѣнію большинства сербскихъ писателей, осуждающихъ патр. Арсенія за этотъ поступокъ, авторъ старается защитить патриарха, и изъ личнаго опыта, какъ бывшій учитель въ Ипекѣ въ 1895—1896 г., приводитъ нѣсколько примѣровъ насилія и звѣрствъ турецкихъ по отношенію къ сербамъ даже въ нынѣшнее время, когда Порта стоитъ подъ надзоромъ евро-

пейскихъ державъ. Едва-ли однако можно принять мысль автора, будто патр. Арсеній III, когда шелъ со множествомъ сербовъ въ Австро-Венгрію, не думалъ навсегда остаться тамъ. Да и самъ авторъ усволяетъ патр. Арсенію мысль—создать въ Австріи новую Сербію. Глава *седьмая* (265—270) содержитъ краткую характеристику личности Арсенія III, какъ архипастыря, администратора и ревностнаго учителя вѣры. Глава *восьмая* (271—306)—о состояніи сербской церкви и народа въ Австріи послѣ смерти патр. Арсенія III, частіе—объ австрійскихъ привиллегіяхъ и объ ограниченіяхъ правъ сербовъ какъ бы въ награду за вѣрность австрійскому дому и многообразныя услуги въ борьбѣ съ врагами имперіи,—о переселеніи сербовъ въ Россію, о культурномъ и экономическомъ состояніи сербовъ австрійскихъ. Глава *девятая* (307—322)—о культурномъ состояніи сербскаго народа, оставшагося въ Турціи послѣ переселенія патр. Арсенія III. Здѣсь опять о притѣсненіяхъ отъ турокъ, о монастыряхъ, какъ хранителяхъ вѣры, памятникахъ прежней сербской славы, разсадникахъ грамоты и о печальномъ общемъ положеніи учебнаго дѣла. Свое сочиненіе авторъ оканчиваетъ выраженіемъ твердой надежды на лучшее будущее сербской православной церкви въ Старой Сербіи.

Изъ разсмотрѣнія содержанія сочиненія видно, что въ немъ нѣтъ единства плана, отчего встрѣчаются повторенія одного и того же въ разныхъ мѣстахъ, напр. о турецкихъ притѣсненіяхъ, австрійскихъ привиллегіяхъ, о значеніи переселенія въ Австро-Венгрію, о личности патр. Арсенія III и т. д. Нѣкоторыя главы не имѣютъ прямого отношенія къ предмету изслѣдованія. Изложеніе по мѣстамъ спутано. Цитация иногда не отличается полнотою. Встрѣчаются иностранныя слова, напр., консолидація, амальгамируются и слова такого образованія, какъ уніаченіе, римо-католиченіе, мадьяреніе. Но авторъ видимо много и съ любовью потрудился надъ рѣшеніемъ своего вопроса, и, по нашему мнѣнію, сочиненіе его можетъ быть признано достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

22. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василия Соколова о сочиненіи студента *Попова Иосифа*: „Іезуиты и яansenизмъ. (Къ вопросу о значеніи іезуитскаго ордена въ исторіи развитія римско-католической догматической системы)“:

„Въ краткомъ (стр. 1—8) предисловіи авторъ излагаетъ общій взглядъ на всю исторію развитія христіанской догматики, отмѣчая при этомъ ту характеристическую особенность римскаго католицизма, благодаря которой онъ сдѣлался благопріятною почвой для утвержденія крайностей пелагианства и августинизма. „Римско-католическое богословіе“, говоритъ авторъ, „въ силу закона послѣдовательности, неизбѣжно должно было въ концѣ концовъ склониться на сторону одной изъ этихъ крайностей и осудить другую. Это мы и видимъ въ исторіи борьбы іезуитовъ съ янсенизмомъ“. „Простѣдить борьбу іезуитовъ съ янсенизмомъ“, заключаетъ авторъ свое предисловіе, „будетъ *задачей* нашего изслѣдованія, а уловить въ исторіи этой борьбы вліяніе іезуитовъ на римско-католическую догматику составитъ его *конечную цѣль*“.

Самое изслѣдованіе дѣлится на три части. Первая изъ этихъ частей говоритъ объ іезуитахъ, а именно сообщаетъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ основанія іезуитскаго ордена (§ 1, стр. 9—15) и объ его главныхъ задачахъ и цѣли (§ 2, стр. 16—19), а затѣмъ представляетъ краткое изложеніе системы іезуитской морали (§ 3, стр. 19—36), останавливаясь въ частности на выясненіи іезуитскихъ понятій о совѣсти, правдоподобіи, законѣ и грѣхѣ. Вся рѣчь автора объ іезуитствѣ сводится къ тому, чтобы показать, что именно „здѣсь таится глубочайшій корень того оппозиціоннаго движенія, которое въ исторіи римско-католической церкви извѣстно подъ именемъ „янсенизма“.

Предметомъ второй части изслѣдованія служитъ янсенизмъ. при чемъ, послѣ рассмотрѣнія различныхъ взглядовъ на сущность этого явленія, авторъ представляетъ историческій очеркъ янсенистическаго движенія, распредѣляя его на четыре параграфа. Въ первомъ изъ этихъ параграфовъ (стр. 42—68) рѣчь идетъ о личности Янсенія и излагается содержаніе его „Августина“ съ наиболѣе подробнымъ раскрытіемъ его ученія о благодати; во второмъ—описывается движеніе, вызванное „Августиномъ“ Янсенія и приведшее къ его осужденію буллою Иннокентія X-го (стр. 69—83); въ третьемъ—авторъ представляетъ очерки жизни и дѣятельности „первыхъ янсенистовъ“: Сенъ-Сирана, Антуана Арно, Блеза Паскаля, Пьера Николая и общины Поръ-Рояля (стр. 83 — 147):

наконецъ, въ четвертомъ — излагается дѣло Пасх. Кенеля. осужденіе янсенизма папою Климентомъ XI и сообщаются краткія свѣдѣнія о послѣдующихъ судьбахъ этого движенія (стр. 148—158).

Третья часть изслѣдованія представляетъ собою подробно-развитый и аргументированный конечный выводъ изъ всего того, что было раскрыто авторомъ въ первыхъ двухъ частяхъ его труда. Здѣсь онъ (пар. 1-й) излагаетъ свой „положительный взглядъ на янсенизмъ“, систематизируя его главное содержаніе и характеризуя его со стороны его формы, послѣ чего читателю дается такое опредѣленіе: „янсенизмъ есть выросшее на почвѣ лежащаго въ основѣ іезуитской морали абсолютизма индивидуальнаго разума и совѣсти противоположеніе въ рѣшеніи вопросовъ о церкви вообще и о благодати въ частности и соотвѣтствующее этому направленію нравственно-практическое движеніе“ (стр. 159 — 193). Послѣдній параграфъ изслѣдованія носитъ заглавіе: „Вліяніе іезуитовъ на римско-католическую догматику“, при чемъ авторъ доказываетъ, что „идея папства, лежащая въ основѣ іезуитскаго понятія о церкви, служила главнымъ рычагомъ іезуитско-янсенистскихъ споровъ“, что во время этихъ споровъ іезуиты „подготовили почву для догмата о папской непогрѣшимости и для римско-католической теоріи развитія догматовъ“, а что касается ученія о благодати и свободѣ, то хотя въ этомъ отношеніи „іезуиты не привнесли въ систему римско-католической догматики ничего существенно новаго, однако дали въ ней торжество тѣсно связанному съ идеей папства полупелагианскому направленію, поставивъ своею задачей послѣдовательно провести это направленіе во всей системѣ римско-католической догматики“ (стр. 193—215).

Въ особомъ приложеніи къ сочиненію авторъ даетъ переводъ двухъ документовъ, имѣющихъ весьма существенное значеніе для характеристики содержанія янсенизма, а именно: 1) „трехстолбцовой записки“, прочитанной въ торжественномъ засѣданіи конгрегации въ Римѣ (1653 г.) однимъ изъ защитниковъ янсенизма по поводу осужденія „пяти положеній“ и 2) буллы Климента XI (*Unigenitus*), содержащей въ себѣ осужденіе 101 положенія изъ книги Кенеля.

Выдающаяся особенность сочиненія г. Попова состоитъ

въ чрезвычайной сжатости его изложенія. Авторъ до такой степени не любитъ говорить лишняго, что, повидимому, готовъ скорѣе совѣсть умолчать о чемъ-либо, лишь бы не сказать болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Это похвальное качество, къ сожалѣнію, развито у автора до такихъ чрезмѣрныхъ предѣловъ, что изъ достоинства становится недостаткомъ и сообщаетъ иногда его сочиненію характеръ бѣглости и поверхностности, благодаря которому нѣкоторыя положенія представляются недостаточно выясненными и доказанными, а въ нѣкоторыхъ частяхъ изслѣдованія встрѣчаются недомолвки и пробѣлы. Одно изъ основныхъ положеній сочиненія гласить, напр., что „абсолютизмъ индивидуальнаго разума и совѣсти вѣрующихъ“... „былъ порожденъ и получилъ жизнь подъ вліяніемъ идеи папскаго абсолютизма“ (стр. 12, 19, 20, 22 и др.). Однако это положеніе, имѣющее въ аргументаціи автора весьма существенное значеніе, совѣсть не выясняется имъ ни теоретическимъ, ни историческимъ путемъ настолько, чтобы представлялось несомнѣннымъ. Совѣсть умалчиваетъ авторъ о молинизмѣ и о тѣхъ первыхъ спорахъ по вопросу о благодати, которыя предшествовали янсенизму. — Во второй части своего труда авторъ даетъ краткіе очерки жизни и дѣятельности „первыхъ янсенистовъ“, при чемъ о сочиненіяхъ Арно и Кенеля напр. (стр. 98—101; 148—149) говоритъ въ такихъ краткихъ и общихъ чертахъ, что на основаніи его словъ нѣтъ никакой возможности понять, почему ихъ слѣдуетъ признать янсенистами и что именно съ своей стороны внесли они въ исторію этого движенія.

Скупость автора на слова значительно уменьшаетъ достоинство и тѣхъ частей сочиненія, гдѣ излагается догматическое содержаніе янсенизма. Очень часто авторъ ограничивается лишь приведеніемъ точныхъ выдержекъ, заимствованныхъ изъ папскихъ буллъ, въ которыхъ осуждаются янсенистскія воззрѣнія; но такой приемъ нельзя признать особенно удачнымъ. Свойство вопроса о благодати и свободѣ таково, что, по самому существу своему, требуетъ особенной ясности изложенія и нуждается нерѣдко въ подробныхъ и утонченныхъ толкованіяхъ. Въ виду этого, приведеніе лишь краткихъ выдержекъ часто представляется недостаточнымъ для того, чтобы дать вполне ясное понятіе о предметѣ, тѣмъ болѣе, что иногда эти выдержки далеко не отличаются та-

кою ясностію смысла, какую, повидимому, предполагаетъ у нихъ авторъ (напр. на стр. 165).

Не чуждо сочиненіе г. Попова и нѣкоторыхъ неисправностей и ошибокъ въ частностяхъ. Имѣются въ немъ нѣкоторыя неудачныя выраженія, какъ напр.: „основатель ордена подтасовываетъ понятіе церкви понятіемъ намѣстника Господня“ (18 и 199), „злыя желанія пробиваютъ духъ“ и т. д. (50). — Встрѣчаются ошибки, зависящія отъ неправильнаго перевода, когда авторъ говоритъ напр., что Янсений прочиталъ три раза (вмѣсто 30-ти) трактаты Августина противъ пелагіанъ (стр. 43), или когда увѣряетъ, что будто бы во Франціи, по свидѣтельству нунція Гримальди, подозрительно и даже съ ненавистью относились къ нежелательнымъ распоряженіямъ, исходившимъ отъ имени Рима или нунція (стр. 75), тогда какъ изъ правильно переведенныхъ словъ Гримальди совсѣмъ этого не слѣдуетъ. См. также стр. 127 и въ переводѣ приложеній стр. 242, 249 и др.

Недостатки сочиненія искупаются его достоинствами. Имѣвшійся подъ руками, правда не особенно обильный, матеріалъ авторъ изучилъ со вниманіемъ, расположилъ свое изслѣдованіе по стройному, естественному плану, постарался вникнуть съ возможно-большею глубиною въ смыслъ изслѣдуемаго явленія и освѣтилъ его съ достаточной ясностію и опредѣленностію.

Въ общемъ, сочиненіе г. Попова для полученія степени кандидата богословія признаю вполне удовлетворительнымъ“.

23. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Приклонскаго Николая*: „Начало общественности въ церковномъ правѣ“:

„Сочиненіе (1—336) раздѣляется на двѣ части, характеризуемая авторомъ первая какъ догматико-каноническая, вторая—какъ историческая.

Подъ рубрикою: „предварительныя свѣдѣнія“ авторъ объясняетъ, что вопросъ, избранный имъ для изслѣдованія, не новый въ нашей литературѣ: въ 60 — 70 г.г. истекающаго столѣтія онъ въ ней разсматривался и былъ предметомъ полемики, но изслѣдовался недостаточно полно и методично: не было именно проведено вполне яснаго и точнаго различія между правомъ на участіе въ дѣлахъ церкви мірянина, какъ отдѣльнаго лица, и мірянъ, какъ цѣлаго общества, за-

тѣмъ и самый вопросъ объ участи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ изслѣдывался отрывочно, безъ указанія его внутреннѣхъ догматическихъ основаній и внѣ связи съ канонами, даже почти безъ всякихъ ссылокъ на нихъ (стр. 4—5). Въ противоположность сему авторъ обѣщаетъ дать своему изслѣдованію вопроса такую постановку: „необходимо, говоритъ онъ,—поставить начало общественности въ связь съ основными началами церковнаго права, съ понятіемъ о церкви и главныхъ принципахъ ея устройства; необходимо далѣе провести это начало по всей системѣ каноническаго права; нужно прослѣдить видоизмѣненія его въ исторіи церковнаго устройства подѣ дѣйствіемъ разнообразныхъ внѣшнихъ условій. Такимъ образомъ методъ нашъ,—заканчиваетъ авторъ,—будетъ историко-догматическимъ“ (вѣрнѣе было бы сказать наоборотъ: догматико-историческимъ).

Слѣдующая затѣмъ первая часть состоитъ изъ введенія и шести главъ, подраздѣляющихся на §§ и заключенія.

Введеніе въ двухъ §§ раскрываетъ слѣдующіе тезисы: 1, начало общественности стоитъ въ тѣсной связи съ христіанскою религіею; 2, это начало практически осуществлялось въ жизни церкви первыхъ трехъ вѣковъ во всей египтѣ, но затѣмъ постепенно ослаблялось вліяніемъ государственнаго начала, постепенно проникавшаго въ церковное устройство и церковныя отношенія. Глава 1-я въ трехъ §§ раздѣльно выясняетъ общественный характеръ въ древнемъ образѣ совершенія священнодѣйствій крещенія, покаянія и евхаристіи; гл. 2-я, подѣ рубрикою: Церковно-правительственная власть,—раскрываетъ во 1-хъ Евангельское и святоотеческое ученіе о нравственномъ характерѣ церковной власти, выраженномъ въ словахъ Евангелія Мѣ. XX, 25—28, и затѣмъ подробно доказываетъ положеніе, что въ первенствующей церкви избраніе въ іерархическія степени совершалось при дѣятельномъ участіи всего христіанскаго общества. Глава 3-я, подѣ рубрикою: Церковный законъ,—въ двухъ §§ раздѣльно разсматриваетъ способы образованія церковнаго законодательства по дѣламъ вѣры и по дѣламъ церковной жизни. Въ главѣ 4-й, подѣ рубрикою: Церковное управление, — въ двухъ §§ разсматривается принципиально-каноническое опредѣленіе отношеній пастырей къ пасомымъ и церковная практика въ первые вѣка христіанства. Въ

главъ 5-й,—подъ рубрикою: Парикія, — разсматривается въ трехъ §§ значеніе церковнаго общества въ дѣлѣ избранія лицъ клира, въ церковномъ судѣ, управленіи церковнымъ имуществомъ. Въ главъ 6-й, — подъ рубрикою: Вселенская церковь,—раскрывается примѣраи изъ Апостольской исторіи и исторіи церкви первыхъ вѣковъ мысль, что подобно тому, какъ въ отдѣльной парикіи существовало постоянное взаимообщеніе между ея членами, такъ и въ цѣлой церкви было постоянное взаимообщеніе между отдѣльными церковными областями и округами, или помѣстными церквами. Это общеніе выражалось въ письменныхъ сношеніяхъ предстоятелей помѣстныхъ церквей по какимъ либо выдающимся событіямъ и обстоятельствамъ, во взаимовспоможеніи одной церкви другой, въ братскомъ гостепримствѣ путешествующихъ, въ официальныхъ сообщеніяхъ предстоятелей одной церкви всѣмъ другимъ судебнымъ приговорамъ, вслѣдствіе коихъ запрещенные въ одной церкви въ священнослуженіи клирики не допускались къ нему и въ другихъ, а равно отлученные отъ общенія въ одной не принимались въ общеніе и въ другихъ.

Часть 2-я (историческая) представляетъ историческое освѣщеніе дѣйствованія начала общественности въ устройствѣ разныхъ помѣстныхъ церквей, обуславливавшееся особенными историческими обстоятельствами каждой. Эти послѣднія различнымъ образомъ вліяли на дѣйствованіе начала общественности въ церковномъ устройствѣ и церковной жизни то болѣе, то менѣе благоприятно. Съ достаточною обстоятельностью это общее положеніе доказывается раздѣльно разсмотрѣніемъ формъ устройства средневѣковой византійской церкви, церковей юго-славянскихъ, древнерусской и современной русской церкви.

Сочиненіе написано авторомъ съ большимъ усердіемъ. Онъ обстоятельно изучилъ различныя формы церковнаго устройства древняго и новаго времени и обнаружилъ значительную начитанность по данному предмету, хотя почти исключительно въ русской канонической литературѣ. Сочиненіе его представляетъ полное законченное цѣлое. Во внѣшнемъ изложеніи замѣтно стремленіе къ сжатости и отчетливости: сочиненіе раздѣлено на много небольшихъ главъ и параграфовъ и имѣетъ видъ учебнаго курса. Стремленіе къ

дробности дѣленій и подраздѣленій, отмѣчающихся особыми рубриками, порождаетъ не рѣдко излишество послѣднихъ, впрочемъ въ общемъ не вредящее отчетливости изложенія.

Къ недостаткамъ сочиненія должна быть отнесена склонность автора къ преувеличенію въ обобщеніяхъ и иногда въ недостаточности фактическихъ доказательствъ въ пользу защищаемаго положенія. Склонный наиболѣе къ теоретическимъ построеніямъ авторъ не всегда точенъ и ясенъ въ изложеніи своихъ мыслей.

Въ общемъ признаю сочиненіе студ. Н. Приклонскаго вполне удовлетворительнымъ для присужденія степени кандидата богословія“.

24. Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Протопопова Петра*: „Древній историкъ Орозій“:

„Древній историкъ Орозій принадлежитъ, по своимъ историко-философскимъ воззрѣніямъ, къ числу историковъ—провиденціалистовъ. Онъ видѣлъ въ исторіи не случайную связь событій, но дѣйствіе Промысла Божія, управляющаго судьбами людей, и свой взглядъ систематически провелъ въ своемъ историческомъ трудѣ, именно—въ „Исторіяхъ“. Почему „Исторіи“ имѣютъ важность не только для историка, но и для богослова.

Сочиненіе г. Протопопова, посвященное разсмотрѣнію жизни и дѣятельности Орозія, особенно его историко-философскихъ воззрѣній и критическихъ пріемовъ, а равно значенія его „Исторій“, состоитъ изъ шести главъ. Въ первой главѣ дается краткая характеристика христіанской литературы того времени, въ которое жилъ Орозій, т. е. конца IV и начала V вѣковъ; во второй сообщаются біографическія свѣдѣнія объ Орозіи, при чемъ на стр. 27 и слѣд. подробно изображается его участіе въ полемикѣ противъ пелагіанъ; въ третьей дается обзоръ его сочиненій, кромѣ „Исторій“; въ четвертой говорится о поводѣ къ написанію „Исторій“, о цѣли и источникахъ этого произведенія; въ пятой излагаются историко-философскія воззрѣнія Орозія; въ шестой говорится о значеніи его, какъ историка.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи наиболѣе цѣнны главы IV и V. Тщательно прослѣдивъ источники Орозія, авторъ

утверждаетъ и доказываетъ многими примѣрами, что главнымъ источникомъ въ „Исторіяхъ“ Орозію былъ, послѣ Библіи, историкъ Титъ Ливій, въ меньшей степени Юстинъ и Евтропій, а равно нѣкоторые другіе древніе писатели. Полно и обстоятельно въ V главѣ представлены историко-философскія воззрѣнія Орозія, именно, что судьбами міра руководитъ Богъ-Творецъ и Промыслитель міра, что несчастія постигаютъ людей по волѣ Его и имѣютъ значеніе частію наказанія, частію исправленія, что бѣдствія по пришествіи Христа не превышаютъ силу тѣхъ, которыя постигали людей до пришествія Христа. Представляя въ яркихъ чертахъ провиденціализмъ Орозія, авторъ не опускаетъ отмѣтить и нѣкоторыя крайности его.

Сочиненіе г. Протопопова не имѣетъ полной законченности; оно не чуждо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неясности (такъ не довольно ясно на стр. 55 и слѣд. представлено содержаніе сочиненій Орозія: „Ad Augustinum consultatio“ и „Liber apologeticus contra Pelagium“), а равно повтореній (ср. стр. 134 и слѣд. и стр. 142 и слѣд.). Тѣмъ не менѣе, авторомъ въ этомъ сочиненіи проявлена способность и умѣнье изслѣдовать и обсуждать историческіе вопросы и отмѣчать въ историческихъ трудахъ наиболѣе цѣнное и существенное“.

25. Экстраординарнаго профессора Героева Татарскаго о сочиненіи студента *Рудакова Ивана*: „Вліяніе схоластики на Божественную комедію Данта“:

„Сочиненіе студента Ивана Рудакова, писанное на тему: „вліяніе схоластики на Божественную комедію Данта“,—имѣетъ своею задачею опредѣлить степень вліянія схоластическаго богословія на міровоззрѣніе величайшаго поэта среднихъ вѣковъ, путемъ сопоставленія его произведенія съ общими началами схоластической учености XIII вѣка.

Сообразно такой задачѣ, авторъ послѣ довольно обширнаго введенія, уясняющаго общее историческое значеніе и положеніе Божественной комедіи, раздѣляетъ свой предметъ на пять отдѣльныхъ главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ онъ характеризуетъ духовную личность поэта и излагаетъ общее содержаніе его поэмы, а въ трехъ остальныхъ онъ частнѣйшимъ образомъ разлагаетъ Божественную комедію на основныя начала, ея проникающія: политику, религію и любовь.—Очевидно, что такая постановка дѣла соотвѣтствуетъ самому

существо предмета и много содѣйствуетъ основательному и отчетливому раскрытію его въ сочиненіи. Особенной похвалы въ этомъ отношеніи заслуживаетъ четвертая глава сочиненія, излагающая догматическія, каноническія и нравственныя воззрѣнія Данта въ связи съ современной ему схоластикой и мистикой.

Сочиненіе студента Ивана Рудакова довольно обширно, обнаруживаетъ довольно основательное знакомство его съ предметомъ подъ руководствомъ лучшихъ, большею частію иностранныхъ пособій и, какъ обработанное съ видимымъ стараніемъ отъ начала до конца, можетъ быть признано удовлетворительнымъ, не смотря на простирающуюся до грамматическихъ ошибокъ небрежность въ перепискѣ“.

26. Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Румянцева Николая*: „Психологическія основы религіозно-нравственнаго воспитанія“:

„Названное сочиненіе г. Н. Румянцева заключаетъ въ себѣ, кромѣ введенія, двѣ части изслѣдованія; изъ нихъ въ каждой по четыре главы.

Введеніе (стр. 3—44) посвящено выясненію человѣческой природы, по воззрѣніямъ новѣйшихъ психологовъ и педагоговъ и по ученію Библии.

Въ главѣ первой (стр. 45—100), сказавъ кратко о необходимости и трудности нравственнаго воспитанія, авторъ ищетъ надежной опоры для него и находитъ его только въ *религіи*, такъ какъ принципъ *природосообразности* воспитанія, при поврежденности человѣческой природы, оказывается недостаточнымъ.

Во второй главѣ (101—164) бѣглымъ историческимъ очеркомъ авторъ доказываетъ, что искони и на пространствахъ всѣхъ вѣковъ религія считалась существенно-важною основою воспитанія.

Въ третьей гл. (стр. 165—224) дается психологическій анализъ *религіознаго* чувства; въ четвертой (стр. 225—280) такой же анализъ *нравственнаго* чувства.

Таково содержаніе *первой* части разсматриваемаго труда.

Вторая часть посвящена обзорѣнью условій и факторовъ образованія характера. Именно: глава пятая (стр. 281—330) трактуетъ о *прирожденныхъ* задаткахъ въ человѣкѣ; глава шестая (стр. 331—386)—о *наслѣдственныхъ* задаткахъ. Разли-

чие между тѣми и другими указывается слѣдующее: первые отличаютъ человѣка отъ всѣхъ другихъ существъ; вторые отличаютъ людей другъ отъ друга. Здѣсь же обсуждается и вліяніе темперамента на образованіе нравственнаго характера. Наконецъ, въ главѣ седьмой (стр. 387—486) говорится о планообразномъ *нравственномъ воспитаніи*, объ его значеніи и средствахъ; въ главѣ восьмой (стр. 487—549) о *воспитаніи религиозномъ*, о важномъ значеніи его съ ранняго дѣтства и о нормальной постановкѣ его. Сюда вошло и разсмотрѣніе вопроса о томъ, какое воспитаніе должно признать болѣе природосообразнымъ — воспитаніе ли въ такъ называемой естественной или общей религіи, или же воспитаніе конфессіональное.

Уже этотъ обзоръ содержанія показываетъ, какую серьезную и строго-научную постановку далъ авторъ своему труду. Слѣдуетъ сказать, что и выполнилъ его авторъ добросовѣстно. Онъ внимательно изучилъ обширную литературу предмета, разобрался въ ней успѣшно и, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ общемъ высказалъ правильный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Отмѣченныя въ сочиненіи неудачныя выраженія не мѣшаютъ признать его очень хорошимъ“.

27. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Соколова о сочиненіи студента *гермоха Сильвестра (Братановскаго)*: „Обязательное безбрачіе римско-католическаго духовенства“:

„Въ обширномъ предисловіи (стр. 1—31) авторъ говоритъ о задачѣ и характерѣ своего труда, объ условіяхъ, при которыхъ ему приходилось работать, и съ особенною подробностію объ источникахъ и пособіяхъ, которыми онъ пользовался, какъ изъ иностранной, такъ и изъ русской литературы. Въ концѣ предисловія представленъ достаточно подробный и мотивированный планъ предстоящаго изслѣдованія.

Самое сочиненіе состоитъ изъ краткаго вступленія, гдѣ лишь высказывается существующая между церквами востока и запада разность по вопросу о бракѣ духовенства, и четырехъ главъ, обнимающихъ этотъ вопросъ по возможности со всѣхъ его сторонъ.

Глава первая имѣетъ своимъ предметомъ исторію установленія на западѣ обязательнаго безбрачія духовенства, при чемъ авторъ раздѣляетъ ее на четыре періода, а именно:

1) съ апостольскаго времени до IV вѣка, 2) съ IV вѣка до шестаго Вселенскаго собора, 3) со времени послѣ шестаго Вселенскаго собора до папы Григорія VII-го и 4) послѣ папы Григорія VII-го до Тридентскаго собора включительно (стр. 35—130).

Во второй главѣ излагается, по выраженію автора, „внутренняя исторія вопроса“, въ отличіе отъ той „внѣшней“ исторіи установленія на западѣ обязательнаго безбрачія духовенства, которая изложена въ главѣ первой. Здѣсь рѣчь идетъ уже не о фактахъ исторіи этого института, а о тѣхъ историческихъ причинахъ, которыя постепенно создали въ римско-католической церкви обязательное безбрачіе духовенства и которыя поддерживаютъ его существованіе до настоящаго времени (стр. 130—185).

Въ третьей главѣ авторъ излагаетъ догматическія, каноническія и теоретическія основанія, обычно приводимыя въ защиту обязательнаго безбрачія клира. Изложеніе автора сопровождается подробнымъ и обстоятельнымъ критическимъ разборомъ. Здѣсь авторъ разсматриваетъ и изъясняетъ все относящіяся къ вопросу мѣста Священнаго Писанія, обращаясь при этомъ къ толкованіямъ отцовъ и учителей церкви; приводитъ и комментируетъ каноническія правила: свят. Апостоловъ, Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Послѣ краткаго изложенія и разбора разныхъ историческихъ, нравственныхъ и практическихъ соображеній, приводимыхъ въ защиту обязательнаго безбрачія, авторъ заключаетъ эту главу отзывами о немъ нѣкоторыхъ представителей римско-католическаго клира, а также иностранныхъ и русскихъ писателей, касавшихся вопроса о celibatѣ (стр. 186—307).

Послѣдняя глава сочиненія имѣетъ своимъ предметомъ разсмотрѣніе тѣхъ слѣдствій, какія имѣло и имѣетъ обязательное безбрачіе римско-католическаго духовенства для жизни христіанскаго запада. Здѣсь авторъ указываетъ, въ частности, на постоянные протесты и борьбу противъ безбрачія со стороны самаго римско-католическаго духовенства; на нравственную распущенность безбрачнаго клира; на значеніе celibata въ исторіи раздѣленія церковей и реформации; на антинаціональное и антигосударственное направленіе, какое получаетъ иногда дѣятельность католическаго клира, вслѣдствіе его безбрачнаго состоянія. Во второй половинѣ

главы авторъ пытается дать очеркъ современнаго состоянія института обязательнаго безбрачія и отношеній къ нему современнаго западно-европейскаго общества (стр. 308—354).

Приведенный краткій очеркъ содержанія сочиненія о. Сильвестра показываетъ, что авторъ постарался объять предметъ своего изслѣдованія съ возможно-большою полнотою. Надъ собираніемъ и изученіемъ матеріала для своей работы онъ потрудился съ большимъ усердіемъ. Кромѣ тщательной разработки указанныхъ ему основныхъ источниковъ и иностранныхъ пособій, онъ просмотрѣлъ всю русскую духовную литературу и извлекъ изъ нея, повидимому, почти все, что только можно было найти тамъ по предмету его изслѣдованія. Въ результатъ усердной и кропотливой работы получился трудъ, выясняющій поставленный вопросъ съ достаточною полнотою и научною обстоятельностью. Нельзя сказать, чтобы всѣ части труда удались автору съ одинаковымъ успѣхомъ; но въ общемъ сочиненіе производитъ на читателя хорошее впечатлѣніе.

Наименѣе удачною частію сочиненія слѣдуетъ признать послѣднюю главу, гдѣ главныя мысли являются не достаточно раскрытыми и доказанными, а, съ другой стороны, авторъ подробно останавливается на такихъ предметахъ, которые имѣютъ лишь отдаленное отношеніе къ его задачѣ.—Лучшею главою его труда представляется третья, гдѣ онъ даетъ очень тщательное и обстоятельное критическое изслѣдованіе догматическихъ и каноническихъ основаній обязательнаго безбрачія, что собственно и составляло самую существенную сторону и задачу его работы и что выполнено имъ съ наибольшимъ успѣхомъ.

Относительно частностей изслѣдованія можно замѣтить: 1) недостаточное выясненіе нѣкоторыхъ такихъ научныхъ положеній, которыя желательно было бы видѣть болѣе аргументированными. Ничѣмъ, напр., не подтверждаются положенія, что до IV вѣка и на востокъ и на западъ количество безбрачныхъ служителей алтаря превышало количество брачныхъ (стр. 42 и др.), или что у папъ дѣйствительно существовалъ взглядъ на безбрачіе духовенства, какъ на средство для осуществленія другихъ цѣлей папскаго престола (155, 167 и др.); 2) излишнюю апологетическую ревность автора, благодаря которой онъ усиленно старается до-